

HARLEQUIN®

032

Маргарет Макфи

М А С К А
В О З М Е З Д И Я

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Исторический роман – Harlequin

Маргарет Макфи
Маска возмездия

«Центрполиграф»

2012

Макфи М.

Маска возмездия / М. Макфи — «Центрполиграф»,
2012 — (Исторический роман – Harlequin)

В день своей свадьбы дочь графа Мисборна Мэриэнн Уинслоу была похищена неизвестным разбойником. В качестве выкупа похититель потребовал документ, пятнадцать лет назад украденный у его отца. Однако граф, несмотря на угрожающую дочери опасность, не отдает документ, боясь разглашения его содержания. Не получив выкуп, разбойник удерживает Мэриэнн и рассказывает ей, в каком страшном преступлении подозревает ее отца и что собирается восстановить справедливость. Молодые люди влюбляются друг в друга. Но между ними непреодолимое препятствие - тайна, скрытая в документе...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Маргарет Макфи

Маска возмездия

Глава 1

Хаунслоуская пустошь, Лондон, 1810 г.

День свадьбы выдался прекрасным. Свежее октябрьское утро освещалось солнцем.

На голубом небе ни облачка. Хаунслоуская пустошь сочно зеленела, окрестные дубы и буки оттеняли ее великолепными красными и золотыми мазками. Правда, леди Мэриэнн Уинслоу, сидя в темной карете, одиноко мчащейся по пустоши, совсем не замечала этой красоты.

– Остается надеяться, что Пикеринг дождется нас в церкви. Не удивлюсь, если он передумает и уедет домой. И кто посмеет обвинить его? В конце концов, у него есть гордость. Ради всего святого, девочка моя, что ты так долго делала в спальне? – Джордж Уинслоу, граф Мисборн, достал из кармана часы и шелкнул золотой крышкой.

«Что сказал бы отец, – подумала Мэриэнн, – узнай он правду». Последние два часа, сидя перед зеркалом, она пыталась понять, как могло случиться, что она выходит замуж за ровесника своего отца, человека, с которым виделась всего дважды, и он при встрече разглядывал ее словно призывную кобылу. Но отец вовсе не ждал ответа.

– Мы уже опаздываем на сорок пять минут, а надо еще добраться до Стейнса. – Он захлопнул крышку часов и убрал их в карман жилета. – Боже милостивый, дочь, нам нельзя упустить Пикеринга после фиаско с Арлесфордом.

– Папа, я совсем не уверена, что могу выйти за Пикеринга...

– Мэриэнн, мама уже говорила тебе, все твои сомнения всего лишь предсвадебное волнение, обычное для любой юной леди. Мы уже обсудили это.

– Да, но...

– Но?

– Я думала, что после помолвки с мистером Пикерингом смогу привыкнуть к нему, к мысли о замужестве. А после обручения прошел всего месяц. Мне нужно еще время. – Она опустила взгляд на массивное кольцо-печатку на пальце.

– Месяц вполне достаточный срок для помолвки, Мэриэнн.

– Но, папа, мы с ним едва знакомы.

– Скоро у тебя будет достаточно времени узнать его лучше. К тому же Пикеринг вовсе не строгий. Он будет добр к тебе.

Золотое кольцо Пикеринга блеснуло на солнце.

– Допускаю, возможно, в качестве жениха он не слишком привлекателен, – продолжал отец, – но он человек солидный, серьезный и надежный. И дело не только в его огромном состоянии и в том уважении, которым он пользуется в свете. Пикеринг обладает влиянием и властью. Никому не придет в голову сказать, что он тебе не пара. – Отец помолчал. – Свадьба должна состояться. И ни слова больше, дочь. Делай, что тебе велят.

Взгляд Мэриэнн упал на свадебный букет, стиснутый во влажной ладони, на бледные розы, доставленные утром из оранжереи, на крошечные белые бутоны. Ей известны все доводы отца, и она понимала, что он прав. Но от этого перспектива стать женой Чарльза Пикеринга не становилась более привлекательной.

Карета резко свернула в сторону, и, чтобы не соскользнуть с сиденья, Мэриэнн потянулась вперед и ухватилась за пассажирский ремень. Свадебный букет упал на пол.

– Папа, прошу тебя, давай хотя бы поедem медленней.

– Времени в обрез, Мэриэнн. Если Пикеринг уйдет, нам не расквитаться! – И он отвернулся со странным выражением во взгляде, плотно сжав губы. Затем он словно очнулся и продолжал: – Я велел Джону, кучеру, наверстать время. К тому же Хаунслоуская пустошь не место для прогулок даже днем. – Отец поднял валявшийся на пыльном полу свадебный букет и протянул его дочери.

Мэриэнн слегка вздрогнула.

– Ты же не думаешь, что разбойник...

Отец не дал ей договорить:

– За последние два месяца о разбойнике ни слуху ни духу. Теперь, когда на его поимку послан конный патруль, он, скорее всего, ускакал куда-нибудь. Но даже если он до сих пор где-то поблизости, сейчас слишком рано. Валяется пьяный в какой-нибудь таверне, и нет ему дела до нас. Я не собираюсь упускать Пикеринга.

– Раз у меня свадьба, обязательно что-нибудь случится, – с тяжелым сердцем произнесла Мэриэнн и отвела взгляд.

– Мэриэнн, – отец со вздохом взял ее руку в свои, – ты же знаешь, у меня на всем свете нет никого дороже тебя.

Она кивнула.

– Все, что я делаю, – для твоего же блага.

– Да, папа.

Это была правда.

– Тогда поверь мне, дорогая, для тебя самое лучшее – выйти замуж за Пикеринга.

Мэриэнн снова кивнула. Да, она выйдет за него, раз так решил ее отец, это правильный шаг. И все же мысль о замужестве пугала.

Карета сбавила ход, с трудом вползая на узкий мостик, и солнце, заглянувшее в окно, осветило лицо отца, с улыбкой смотревшего на Мэриэнн. Она рассматривала пылинки, парившие в лучах света, уловив нежность в глазах отца. Его руки окутали теплом ее руку. Казалось, все в мире утихло и успокоилось. Колеса катились почти бесшумно. Даже птицы перестали петь. Безмятежный миг наполнился золотым светом.

Внезапно раздался выстрел, словно сам ад вырвался наружу. Грумы кричали, кучер сыпал проклятия, карета содрогнулась от мощного толчка. Лошади заржали. Карета закачалась и встала. Что-то большое и тяжелое ударило в стенку, заставив экипаж дернуться вперед. Мэриэнн взглянула туда, откуда доносился звук, и уголком глаза увидела черную тень в окне. Плышался стук копыт, крики и топот убегающих ног. Потом воцарилась тишина.

Отец вытащил из кармана и направил на двери свои пистолеты, сел, держа их наготове. Его глаза в напряженном ожидании перебежали от одной двери к другой. Мэриэнн слышала стук собственного сердца и тяжелое дыхание отца.

– Должно быть... это разбойник, – прошептала она.

Отец не ответил, плотно сжав губы.

– Папа, дай мне пистолет. Пожалуйста!

– Не глупи, Мэриэнн, – резко бросил он и сжал рукоятки с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

Они ждали, но ничего не происходило.

Даже секунды будто замедлили бег. Бесконечное ожидание переполняло всепоглощающий страх. Видимо, отцом овладело то же невыносимое чувство, и он процедил сквозь зубы: «Выходи, покажись!» Однако то или тот, кто снаружи, не шелухнулся. Ни шороха, ни движения. Воздух сгустился от напряжения, и Мэриэнн почувствовала, как сдавливает горло. Дыхание перехватило, казалось, само время задохнулось вместе с ней. И по-прежнему ничего не происходило.

Похоже, слуги разбежались, и они с отцом одни. Наверное, отец подумал о том же, потому что искоса взглянул на нее и слегка качнул головой. Мэриэнн поняла: это знак молчать и не шевелиться. Она кивнула и увидела, что отец двинулся к двери. . . В тот самый миг она распахнулась. Отцовский пистолет выстрелил, наполнив карету оглушительным звуком, таким громким, что у нее заболели уши, а глаза заслезились от облака сизого дыма. Едкий запах заползал в ноздри, горло першило. Она привстала, но отец крепко схватил ее за руку и рывком усадил назад.

– Сиди на месте, Мэриэнн!

Тишина, наступившая после выстрела, казалась такой же оглушительной, как и он сам. Звенела в ушах и пробирала все тело до костей. Сквозь облако дыма она увидела тень в открытой двери и услышала негромкий хрипловатый смех.

Отец выстрелил в тень из второго пистолета и вылез из кареты. Снаружи послышался сильный удар о стенку рядом с дверью, карета затряслась, словно на нее упало что-то тяжелое. До Мэриэнн донесся стон, затем наступила полная тишина, от которой у нее упало сердце.

– Папа?!

Она пошарила в кармане на дверце кареты в поисках запасного пистолета, но отец пренебрег этой предосторожностью. Тогда она подобрала юбки и стала пробираться к двери. В отчаянном стремлении помочь отцу Мэриэнн не заметила, как наступила на бело-розовый свадебный букет. Меж тем дым рассеялся, и, когда она выпрыгнула из кареты, вся сцена отчетливо предстала ее глазам.

Лошадей распрягли. Кучера и грумов как ветром сдуло. Отец стоял, прислонившись спиной к карете, с белым как мел лицом, из уголка рта сочилась тонкая струйка крови, глаза, почерневшие от ярости, светились угрозой. Мэриэнн знала, что разбойник тоже здесь и в этот самый миг наблюдает за ней, но не могла взглянуть на него. Сердце бешено колотилось, кровь в жилах стыла от ужаса, хотя она понимала, что должна посмотреть в его сторону. Наконец, сделав глубокий вдох, чтобы унять нарастающий страх, она медленно направила взгляд туда, куда смотрел отец, на высокую темную фигуру разбойника.

Он был одет во все черное, длинный потертый плащ и штаны из оленьей шкуры. Кожа истертых башмаков местами потрескалась от времени и носки. Даже старые выношенные перчатки были черными. Голову покрывала старомодная треуголка, также черная. Под ней Мэриэнн увидела длинные нечесанные волосы цвета потемневшего красного дерева. Все эти детали она охватила мгновенно, одним лишь коротким взглядом, после чего ее глаза намертво застыли на темном платке, который скрывал нижнюю часть лица, исключая возможность опознания.

Мэриэнн вся сжалась изнутри, ноги задрожали. На мгновение ее взгляд задержался на куске темной материи. Затем, собрав в кулак все свое мужество, она медленно подняла глаза, и их взгляды встретились.

В его глазах не было жестокости, они горели теплым коричневато-медовым светом, а притягательный взгляд выражал твердость и силу. Мэриэнн не могла отвести глаз. Ее сердце замерло, по спине побежали мурашки. Был ли это шок, испуг, облегчение или все, вместе взятое?

– Что, черт возьми, тебе надо? – прохрипел отец.

Разбойник повернул голову, позволив ей отвести взгляд, только тогда она заметила в его руках два пистолета, направленные в грудь отца. Он улыбнулся в ответ. Она поняла это, хотя не видела его рта, скрытого под платком. Тем не менее он улыбался, но взгляд, обращенный к отцу, остался невеселым.

– Сейчас узнаешь, – произнес разбойник спокойным хрипловатым и очень тихим голосом.

– Ты пожалеешь о том дне, когда решился ограбить меня, мерзавец!

– Не думаю. – Он вскинул пистолеты.

– Моя дочь едет на венчание.

Неужели отец надеялся вразумить разбойника этими словами? Тот и глазом не моргнул. Взгляд его оставался твердым и непреклонным.

– У меня с собой кошелек с деньгами. – Отец вытащил из кармана небольшой мешочек из коричневой кожи. – Вот, – и он бросил мешочек в сторону разбойника, – возьми его и убирайся! – Кошелек упал на траву между ними.

Разбойник даже не взглянул на него, хотя тот был тяжелым и раздут от монет.

– Мне не нужны деньги, – ответил он хриплым полупшепотом, не сводя немигающих глаз с Мисборна.

Отец молчал, словно не понял ответа, затем снова заговорил:

– Вот булавка с бриллиантом и часы. И то и другое из золота.

Дрожащими пальцами он отстегнул бриллиантовую булавку и бросил ее на траву рядом с кошельком. Камень вспыхнул и заиграл в лучах солнца. За ней последовали часы, отец отстегнул застежку и протянул их разбойнику вместе с позвякивающей цепочкой.

Но злодей не двинулся с места.

– Мэриэнн, сними свой жемчуг и брось рядом с кошельком, – приказал отец, вдогонку процедив сквозь зубы: – Жемчуг перед свиньей. – Несмотря на браваду, его лоб покрылся испариной, когда дочь потянулась к застежке.

Разбойник покачал головой:

– И твои драгоценности мне не нужны, Мисборн.

Ее руки застыли, потом беспомощно упали вниз.

Жемчужное ожерелье так и осталось на шее.

Отец нахмурился. Мэриэнн заметила, как по его лицу пробежала тень сомнения и испуга.

– Ты знаешь мое имя?

– Я знаю гораздо больше.

Мужчины смотрели друг на друга. Тяжелое молчание предвещало беду.

– Тогда ЧТО тебе нужно?

Разбойник помолчал, прежде чем ответить.

– Всему свое время. А сейчас я заберу у тебя то, что брал у других и что тебе дороже всего в этом мире.

С лица Мисборна сбежали последние краски. Сероватая с проседью борода и усы ярко выделялись на фоне побледневшей кожи. Все вокруг затихло. Лишь черный дрозд заливался над пустошью да нежный ветерок шелестел в траве.

Отец через силу заставил себя улыбнуться.

– Хочешь убить меня?

– Нет! – Мэриэнн в отчаянии выбежала вперед. – Не трогайте его, прошу вас. Пожалуйста!

Их взгляды встретились. В лучах утреннего солнца глаза разбойника казались почти золотыми.

– Не беспокойтесь, леди Мэриэнн, – поразительно, он назвал ее по имени, – мы с вашим отцом оба знаем, что я не имел в виду его жизнь.

Голос звучал все так же спокойно и тихо, лишенный всяких эмоций, однако взгляд сделался тяжелым и холодным, словно зимняя стужа. Он выражал такую неумолимую решимость, что Мэриэнн содрогнулась. Злодей снова перевел взгляд на отца:

– Не так ли, Мисборн?

– Нет, – еле слышно прохрипел отец.

Отрицание прозвучало неубедительно и с каким-то странным выражением. Мэриэнн невольно подумала, что отец прекрасно знает, о чем идет речь. Разбойник слегка взмахнул правой рукой с пистолетом.

– Если не отдашь мне то, за чем я пришел, убью тебя. А потом легко заберу то, что ты уже не сможешь защитить.

– Папа, умоляю тебя, если ты знаешь, чего он хочет, отдай. Не надо рисковать собой!

Мужчины посмотрели на нее. Лицо отца исказилось от испуга. Казалось, за несколько секунд он постарел на сто лет. В глазах разбойника застыло странное выражение.

– Беги, Мэриэнн! – с отчаянием в голосе крикнул отец. – Беги и не оглядывайся!

Она покачала головой:

– Я не оставлю тебя.

– Проклятие! Делай, что я говорю, беги, дочка!

И прежде чем разбойник заговорил, она поняла, чего он хотел.

– Что дороже всего в мире для отца, если не его единственная дочь?

– Ты ошибся, – ответила она. Хотя в глубине души понимала: он прав. Отец всегда любил ее больше всех.

– Ты не посмеешь отнять ее у меня, негодяй!

Отец бросился на разбойника, но тот был моложе, выше и сильнее. В одно мгновение опустил пистолеты и спрятал их, отмахнувшись от удара Мисборна с такой легкостью, будто имел дело с ребенком, и нанес ему ответные удары в лицо и живот своим тяжелым кулаком. Когда отец согнулся пополам, разбойник оттолкнул его. Мисборн споткнулся и отступил назад, ударившись о кузов кареты, упал на колени, продолжая правой рукой держаться за живот. Из раны на щеке хлынула кровь, лицо стало опухать.

– Папа! – Мэриэнн хотела броситься к нему, но злодей оказался быстрее. Он обхватил ее за талию и потянул к себе. – Нет! – Она сопротивлялась, била его кулаками, пинала, но похититель был слишком силен. В одно мгновение он схватил ее в охапку и повернулся к отцу.

Мисборн с трудом поднялся с колен. Кровь, сочившаяся из разбитого лица, потемнела и присохла к седой бороде. Мэриэнн попыталась вырваться, но жесткая мужская рука крепко стиснула плечи и грудь, не давая пошевелиться. Он притянул ее спиной близко к себе, но так, что их тела не соприкасались.

– Что ты готов отдать, чтобы вернуть ее живой и здоровой, Мисборн?

– Все, что захочешь.

– Все? – В голосе послышалась злая насмешка.

Отец кивнул.

– Деньги, золото, серебро, драгоценности. Назови цену.

Мэриэнн почувствовала за спиной какое-то движение, однако хватка злодея не ослабевала.

Он бросил сложенный лист бумаги на траву под ноги отцу.

– Вот моя цена, Мисборн.

Отец поднял лист, развернул, и Мэриэнн увидела, как его лицо исказила гримаса внезапного ужаса. Он не двинулся с места, не произнес ни слова, только смотрел на бумагу, словно не в силах разобрать написанное. Его глаза едва не выходили из орбит. Он зашатался и стал пятиться назад. Только дверца кареты помогла ему устоять на ногах. Усилием воли он заставил себя выпрямиться и, пошатываясь, стоял, прислонившись к карете.

– Папа! – Мэриэнн боролась, но безуспешно. – Папа!

Волосы отца взмокли от пота, заливавшего лоб. Лицо сделалось мертвенно-бледным. Обычное состояние бодрости и силы покинуло его, будто хрупкая маска. Он выглядел слабым и больным. Но разбойник не выказал ни малейшего сочувствия.

– Обмен должен произойти сегодня. Будь готов, Мисборн.

Мэриэнн ощутила его руку на талии, земля уплывала из-под ног. Злодей перебросил ее через плечо с такой легкостью, словно она ничего не весила. Она извивалась и пыталась

даться, но кровь бросилась в голову, а рука разбойника сдавила ее с такой силой, что пошевелиться уже оказалось невозможным.

– Нет! Прошу, оставь ее! – закричал отец. Он сделал несколько нетвердых шагов в их сторону и упал на колени. – Умоляю вас, сэр! Я отдам все, что вы хотите!

Никогда прежде Мэриэнн не слышала от отца слов мольбы, никогда прежде его голос не был таким сильным от отчаяния. Только разбойник не шелохнулся.

– Ты это сделаешь, – произнес он. – Жди от меня вестей.

В мгновение ока он вскочил на коня, сунув Мэриэнн боком в седло впереди себя.

Огромный черный конь нетерпеливо заржал. Она ощутила себя плотно прижатой к груди злодея и стиснутой железной хваткой, сковывавшей движения.

– Кто тебя послал? Что это?.. – прокричал отец.

Мэриэнн слышала, как от страха дрожал его голос. Злодей оборвал его:

– Никто меня не посылал.

– Тогда кто же ты, черт возьми?

Крепко обняв Мэриэнн за пояс, злодей смотрел на отца поверх ее головы.

– Я прошлое, вернувшееся за тобой, Мисборн.

Конь снова заржал, и они галопом понеслись прочь по пустоши, оставив позади отца с белым кровотоющим лицом, карету без лошадей и парящие в воздухе лепестки растерзанного свадебного букета.

Глава 2

Рейф Найт гнал во весь опор. Свой самый ценный груз он по-прежнему удерживал надежно и бережно, чувствуя тонкий аромат фиалок, исходивший от волос девушки, ощущая прикосновения мягких изгибов стройного тела. Жаль, что Мэриэнн втянута в это, но именно она слабое место Мисборна и единственная надежда добиться желаемого.

Оставалось мало времени. Скоро кучер и грумы доберутся до таверны и приведут подмогу. Сначала Рейф поскакал на запад, будто собирался ехать в Стейнс. Но как только Мисборн скрылся из вида, свернул с дороги и помчался по целине обратно в сторону Хаунслоу и Лондона.

Как и договаривались, Каллerton ждал его, спрятавшись среди строений заброшенной фермы в предместье. Двери большого амбара были распахнуты настежь, и Рейф въехал прямо туда. Спустив Мэриэнн на руки своему слуге и товарищу, он спешил.

Лицо сообщника тоже скрывала маска. Он посадил девушку в темную карету, стоявшую в амбаре, и присоединился к разбойнику, который возился с упряжью своего коня. У Мэриэнн так пересохло в горле, что казалось невозможным даже сглотнуть. Сердце бешено колотилось, каждый мускул застыл в мучительном напряжении. От невыносимого страха прерывалось дыхание, ладони стали липкими. Она прикрыла глаза и постаралась дышать пореже, чтобы хоть немного успокоиться. Когда она снова открыла глаза, мужчины, вооружившись флягой и тряпками, усердно смывали с морды коня белую пену. Они явно торопились.

Собрав остаток воли в кулак, Мэриэнн сделала глубокий вдох и ухватила за дверную ручку. Кровь вскипала в жилах, сердце стучало, как большой барабан. Дверца тихо отворилась и позволила ей бесшумно выскользнуть из кареты. Девушка незаметно обогнула ее и притаилась позади. Прислонившись спиной к пустому кузову, Мэриэнн отчаянно искала глазами путь к бегству. Затаила дыхание, казавшееся таким громким и хриплым, что похитители могли слышать. Малейшее движение – и они обнаружат ее отсутствие.

Время тянулось медленно, с каждым мгновением чувства девушки обострялись. До нее доносился запах сена, конского пота, кожаной сбруи и осенней сырости с нотками спелой ежевики. Она слышала бряцание упряжи и беспокойный перестук лошадиных копыт, ощущала холод пустого полутемного амбара. В нем не было ничего, за что можно спрятаться, ни стога сена, ни повозки. Сердце упало. Она знала, что должна попытаться. Сделав глубокий вдох, приподняла юбки выше колен, огляделась по сторонам и открыла дверь. Ясное голубое небо и солнце, заливавшее пустошь, словно звали к себе. Отбросив сомнения, девушка побежала.

Но не успела она сделать и трех шагов, как раздался резкий крик, и кто-то молниеносно метнулся к ней. Мэриэнн охнула, почувствовав, как сильные руки сомкнулись вокруг нее. В одну секунду разбойник скрутил ей руки за спину, оттащил назад к карете и сердито взглянул прямо в глаза.

– Неудачная затея, леди, – выдохнул он тихим хриловатым полусшепотом.

Он стоял так близко, что при каждом вдохе девушка чувствовала, как лиф ее платья касался его груди, она ощущала легкий аромат сандалового мыла, исходивший от него. До этого мгновения Мэриэнн не сознавала, что он высокий, а она такая маленькая рядом с ним. От испуга она совсем растерялась. На мгновение задохнулась и лишилась дара речи. Под его взглядом сердце колотилось, губы пересохли. Пришлось заставить себя вспомнить, как он общался с отцом, чтобы гнев пересилил страх.

– Негодяй! – сквозь зубы произнесла она. – На что вы надеялись? Что я буду сидеть и ждать, пока вы не избьете меня, как моего отца?

– Я не бью женщин. – Его взгляд сделался тяжелым и злым.

- Только стариков, которые не сделали вам ничего плохого!
- Вы ничего не знаете, леди Мэриэнн.
- Вы не смели избивать его!
- Мисборн еще легко отделался.
- Что такого сделал мой отец, чем заслужил такое обхождение?
- Ваш отец вор и убийца.

Ошарашенная этим обвинением, Мэриэнн тряхнула головой и воскликнула:

- Да вы сумасшедший или пьяны!
- Я здоров и пьян не больше вашего, леди.

Разбойник пристально смотрел на нее. В полутьме амбара его глаза светились цветом самого лучшего вина из погребов отца. От этого взгляда по телу невольно побежали мурашки. Злодей все так же держал ее возле кареты со скрученными за спину руками. Казалось, воздух пропитался опасностью. Мэриэнн едва дышала.

- Это вы вор! И полагаю, убийца.

Злодей придвинулся ближе, Мэриэнн увидела, как в его глазах сверкнула ярость.

– Вы правы, я украл. Но что до убийства... Когда ваш отец ползал передо мной в пыли, я мог сделать это, леди. Это совсем несложно. И признаюсь, подавлял искушение. – Его хриловатый голос стал совсем низким от гнева, девушке пришлось затаить дыхание, чтобы разобрать слова. – В Библии сказано «око за око», но убивать... – он покачал головой, – это по части вашего отца. Я же намерен передать его в руки правосудия и надеюсь увидеть в петле палача. – Твердость, прозвучавшая в этих словах, больно резанула Мэриэнн.

Злодей вдруг отпустил ее так же внезапно, как схватил, и отступил назад.

- Мой враг – ваш отец, а не вы. Я не сделаю вам ничего плохого.

Мэриэнн отошла от кареты, потирая запястья не потому, что он сделал ей больно, а потому, что руки горели там, где он прикасался к ним.

– Тогда что вы сделаете со мной? – Ее сердце снова бешено забилося, ноги задрожали, страх свел скулы. Но она задала вопрос и заставила себя смотреть ему прямо в глаза.

Повисла напряженная тишина, от которой внутри все сжималось.

– Вы останетесь со мной, пока ваш отец не даст мне то, что мне нужно. Теперь и у меня есть то, что принадлежит ему. Это честный обмен.

– Чего же вы хотите? – еле слышно прошептала Мэриэнн. Она слишком хорошо помнила, как содрогнулся ее отец, прочитав требование разбойника, его удивление и испуг.

– Слишком много вопросов, леди. Нам пора в путь. – Он наконец отвел глаза, и Мэриэнн невольно вздрогнула, таким тяжелым был его взгляд. Что бы он ни говорил, она не забыла, кто он и на что способен.

- У вас ничего не выйдет.

- Неужели?

Сколько уверенности в одном-единственном слове.

- Вы просто жалкий отщепенец, сэр.

– Я то, что сделал из меня ваш отец, леди. Надеюсь, вы никогда не узнаете правды об этом. – Он открыл дверцу кареты и жестом приказал Мэриэнн войти.

Выбора не оставалось, она с высоко поднятой головой подчинилась.

У нее отцовские глаза. Черные, как полночь, настороженные. И они смотрели на него с таким же презрением, с каким смотрел на окружающих Мисборн. Неудивительно, что Мисборн берег ее, как зеницу ока, как самую прекрасную драгоценность королевской короны.

В остальном она больше походила на мать. Изогнутые, крепко сжатые губы, тонкие ноздри. Его взгляд упал на светлые прядки, обрамлявшие лицо девушки, такое нежное и бледное по сравнению с жестким взглядом темных глаз. Говорят, глаза – зеркало души. «Неужели, –

подумал он, – душа Мэриэнн Уинслоу так же черна, как душа ее отца». И задернул шторы кареты. Внезапный испуг на лице девушки, напряжение тела вызвали у него вспышку раздражения. Можно подумать, что он надругался над ней. Да он и пальцем ее не тронул. Подлецом в этой истории был Мисборн, а не он.

– Я же сказал, вам нечего опасаться, – фыркнул Рейф. – Однако вы должны понять, что после попытки бегства я должен принять меры предосторожности. – Он достал короткую веревку.

– А если я откажусь? – Мэриэнн вздернула подбородок.

– Боюсь, у вас нет выбора, леди.

Она смотрела на него так, словно перед ней дьявол во плоти.

– Редкостный мерзавец! – Ее голос сделался высоким, лицо побледнело.

– Пусть так, – согласился он. – Кстати, вам лучше не забывать об этом, леди Мэриэнн, особенно если вздумаете сопротивляться.

Глаза девушки широко раскрылись, однако она не пала духом и не забилась в истерике, как можно было ожидать от изнеженной дочери Мисборна. Ни слезинки, ни стоны. Держалась сосредоточенно, спокойно, с мужеством, которому позавидовал бы мужчина. Только взглянула на него с презрением, когда он связывал ей руки за спиной, стараясь, чтобы веревка не была слишком тугой.

Покончив с этим, Рейф откинул темную деревянную крышку сиденья и вынул оттуда небольшой дорожный сундук ловкими и умелыми движениями, очевидно, подобное он проделывал не раз. Из сундука достал пару начищенных до блеска сапог для верховой езды, новую шляпу и перчатки из тончайшей черной кожи. Из карманов вынул пистолеты и, разрядив их, уложил на дно сундука. Затем сбросил плащ, свернул его и сунул поверх пистолетов. За ним последовала треуголка, поношенные перчатки и старые сапоги. После этого он закрыл сундук и снова убрал его. Подняв глаза, Рейф заметил, что Мэриэнн наблюдает за ним. Их взгляды встретились, и в сером полумраке он снова ощутил волнение. От одной мысли, что дочь Мисборна может показаться ему привлекательной, он испытал прилив злости.

Девушка отвернулась, уставившись на темную ткань шторы, закрывавшей окно. Не сводя с нее глаз, он сунул ноги в сапоги, убрал волосы назад в низкий аккуратный хвост на затылке и завязал их черной лентой, которую достал из кармана фрака. Но девушка оказалась не так проста. Она больше не взглянула на него. Ни разу, пока они ехали через небольшие предместья Брендфорд и Хаммерсмит, проезжали через Кенсингтон. Рейф надел шляпу и перчатки. Оставшаяся часть пути прошла в тишине, но с каждой милей, приближавшей их к Лондону, напряжение возрастало. Наконец Каллертон постучал по кузову, и Рейф понял, что они приближаются к базару Сент-Жиль. Он посмотрел на дочь Мисборна:

– Пора выходить, леди Мэриэнн.

Она опять взглянула на него. Одно мимолетное движение, выверенное, как все у нее, – и он почувствовал, как растет ее недоверие, увидел тень испуга в больших темных глазах. Рейф на мгновение устыдился того, что делает. Но девушка сразу же отвела взгляд, а когда снова посмотрела на него, на ее глаза словно упала пелена, а на лице застыло выражение высокомерия. Она настолько похожа на Мисборна, что все сомнения, которые могли закрасться, мгновенно улетучились. Найт взял ее за руку и вывел наружу. Настала пора осуществлять вторую часть плана.

Граф Мисборн лежал на покрытой шерстяным кремовым покрывалом кушетке в кабинете своего лондонского дома на Лесистер-сквер и прислушивался к шуму экипажа, доносящемуся снаружи.

– Уехал. – Фрэнсис Уинслоу, более известный как виконт Линвуд, сын и наследник Мисборна, стоял у окна и следил за каретой Пикеринга, пока та не свернула за угол и не выехала

с площади. – Думаете, он нам поверил? – Глаза Линвуда, такие же темные и колючие, как у отца, оторвались от окна и остановились на кушетке.

Мисборн кивнул.

– Сложнее будет завтра, когда он явится и захочет встретиться со своей нареченной. Хотя история со сломанной каретой завтра будет в газетах, и это должно помочь. Я позаботился о том, чтобы слухи уже поползли по клубам.

Сын отлично умел управляться с подобными проблемами, но Мисборн даже не поблагодарил его. Он думал совсем о другом.

Граф достал из кармана халата мятый листок, разгладил бумагу и в который раз уставился на нее.

«1795, Хаунслоуская пустошь

Документ, который был украден, в обмен на вашу дочь».

Он думал, напряженно думал. Лишь один человек знал о существовании документа, а у Мисборна в каждом крупном порту на юге страны были свои глаза и уши, ожидавшие его приезда. Неужели Роттерхэм ушел от слежки и сейчас в Англии? От одной этой мысли у Мисборна кровь застыла в жилах. Прохватила дрожь, словно он увидел восставшего из могилы мертвеца.

– Отец? – Линвуд смотрел ему в лицо и видел беспокойство и смятение в глазах.

– Дай мне подумать, – фыркнул Мисборн. Нет, это невозможно. Кем бы ни был Роттерхэм, он человек слова, любит, чтобы все шло как по писаному. До его возвращения еще есть время, достаточно, чтобы успеть выдать Мэриэнн за Пикеринга.

Мисборн снова откинулся на кушетке и перечитал письмо. И все же, несмотря на клятву хранить молчание, преступная порука могла дать утечку. Достаточно прихвастнуть за бутылкой или шепнуть лишнее словцо развеселой милашке. Слава богу, еще не все умеют читать. Интересно, что известно разбойнику?

– Отец, тебе нехорошо? Позволь, я займусь этим вместо тебя.

– Со мной все в порядке. Не суетись. – В голове Мисборна начал складываться план.

– Но я так не согласен! – воскликнул Линвуд в приступе раздражения.

– Вечно ты упрямишься.

– Весь в отца. – Линвуд не сводил с него глаз.

Мисборн с улыбкой покачал головой:

– Что верно, то верно.

– Давай обратимся к братству. – Линвуд улыбнулся, говоря о тайном сообществе, в котором оба состояли. – Попросим у них помощи.

– Нет!

– Теперь, когда мастером стал Гюнтер, все изменилось. Они нам помогут, и...

– Я сказал, нет, черт тебя побери! – Мисборн почувствовал, что впадает в панику. Нужно обязательно переубедить сына.

– Мы сами справимся. Это семейное дело, оно не должно выйти за пределы этой комнаты.

И не важно, что ты там считаешь.

Лицо Линвуда сделалось злым и недовольным.

– Я не намерен рисковать репутацией и безопасностью твоей сестры. Это ты понимаешь?

Линвуд угрюмо кивнул.

– Что это за письмо пятнадцатилетней давности, которое он требует?

Этот вопрос Мисборн боялся услышать больше всего.

– Тебя не касается.

– Так ты отдашь его?

Мисборн раздумывал, прежде чем ответить.

– Да, отдам. – И еще сильнее нахмурился, на переносице образовалась складка – верный признак, что он с трудом сдерживал себя. – День в разгаре, а о них ничего не слышно.

– Услышим.

– Какого черта он медлит? – Его верхняя губа вздернулась от злости.

– Хочет удостовериться, что мы приняли его всерьез. К тому же, уверен, ему хочется помучить нас. Кто бы он ни был, тебя он точно не любит.

– И, клянусь Богом, он меня возненавидит! Впрочем, когда я прикончу его, ему будет уже все равно.

Эта мысль слегка успокоила Мисборна.

В дверь кабинета постучали. Вошел дворецкий с одним-единственным письмом на серебряном подносе.

– Получено только что, милорд. Принес уличный мальчишка.

– И что, этот несчастный ждет ответа?

– Нет, милорд, убежал.

Заметив, что взгляд дворецкого остановился на его опухшей скуле, Мисборн испытал внезапный прилив раздражения. Взял письмо и небрежным движением пальцев отослал слугу. Печать сломалась легко, однако руки Мисборна дрожали от волнения. Он развернул послание, передал его сыну.

– Элдгейт-Хай-стрит на пересечении с Фенчерч и Диденхол, – произнес Линвуд. – Выбор хорош. В лучшее время это оживленный перекресток, а в три там вообще столпотворение. К тому же к нему примыкает множество улиц и переулков. Сложно контролировать всю территорию.

– Сложно не значит невозможно, – перебил Мисборн. – И как только Мэриэнн будет в безопасности...

– Как только Мэриэнн будет в безопасности, мы пристрелим его, как последнего подонка, каковым он и является, – закончил сын.

Из комнаты наверху слышался детский плач и ссора между мужчиной и женщиной, кричавших в полный голос. Какой-то пьяный старик горланил застольную песню. На улице лаяла собака. Уже несколько часов Мэриэнн неподвижно сидела на единственном деревянном стуле и ждала. Смотрела на груды грязного тряпья, сваленную в углу и служившую кроватью. На стенах плесень, пол ничем не покрыт. У двери два ведра. Одно с водой, второе настолько грязное, что невозможно было определить его предназначение. Угля в очаге не было, как не было ни кастрюль, ни сковородок. Лишь кружка для питья. Грязь, покрывавшая окна, делала свет тусклым и не позволяла видеть ничего вокруг.

– Здесь кто-нибудь живет? – спросила Мэриэнн.

Невероятно, чтобы кто-то мог жить в такой нищете, однако кровать из грязных тряпок в углу свидетельствовала об обратном.

– Семья с пятью детьми, – ответил из-под маски сообщник разбойника.

– Все в одной этой комнате?

– Так и есть, барышня. Но за те несколько часов, что нам нужна эта комната, он заплатит им больше, чем они заработают за год. Он всегда помогает, когда может.

– Не знала, что существует такая бедность. – Мэриэнн в жизни не видела подобных мест, затерянных в лабиринте улиц и переулков среди обветшавших домишек. – Дети такие оборванные и худые, и глаза как у стариков. А матери... – Она припомнила женщин с плохими зубами и едва прикрытой грудью. Как они трясли юбками и высоко задирали их, завидев разбойника и его товарища.

– Для некоторых это единственный способ прокормить детей.

Мэриэнн пришла в ужас.

Свет здесь был уныло-серым, воздух спертый от разлагающегося мусора. Но хуже всего, ей казалось, что она никогда не сможет избавиться свой нос от этой вони.

Из-под груды тряпья появилось что-то маленькое, коричневое и побежало по полу.

– Осталось недолго, он скоро вернется, и мы отвезем вас к отцу.

– Вы кажетесь мне добрым человеком. Зачем вы помогаете этому злодею?

– Он не злодей, миледи, что бы вы о нем ни думали. Я помогаю ему, потому что он хороший человек. Он спас мне жизнь на поле боя. Не судите его слишком строго. Он делает лишь то, что должен сделать, чтобы успокоить свою душу.

Он сказал это так просто, что у Мэриэнн не возникло сомнений в его искренности. Она подумала о высоком человеке в черной маске, с глазами янтарного цвета, которые заставляли ее трепетать.

– Но при чем здесь мой отец?

Мужчина покачал головой.

– Я и так слишком много сказал. Простите меня, миледи, но я не могу ответить на ваш вопрос.

Когда часы пробили три, Найт находился далеко от Элдгейт-Хай-стрит. Он пил шампанское у сводчатого окна в клубе «Белый джентльмен» в компании Булфорда, Дэвлина, Рейзби и Фаллингема. Ему было необходимо, чтобы лондонский свет заметил его присутствие. Он знал, что мальчик, которому он заплатил, дождется приезда Мисборна и передаст записку.

– Что вы думаете по поводу истории о сломавшейся карете Мисборна? – спросил Булфорд.

– Возможно, Пикеринг струсил, – отозвался Дэвлин. – Сейчас, после всего случившегося, леди Мэриэнн в свете не в чести. Должно пройти какое-то время, прежде чем Мисборну забудут неприятность с Арлесфордом. К тому же не похоже, что Пикерингу нужны деньги.

– По мне, так маленькой леди Мэриэнн просто повезло. – Фаллингом отхлебнул шампанского. – Пикеринг так стар, что может помереть при исполнении. Ну, вы понимаете, о чем я.

Все мужчины, кроме Найта, засмеялись.

– А вы как считаете, Найт? – Булфорд осушил свой бокал.

Рэйфу было наплевать на Мэриэнн Уинслоу, однако мысль о том, что она может лежать в постели Пикеринга, ему не понравилась.

– Я считаю, что пора откупорить еще одну бутылку шампанского, – ответил он. – У меня еще масса приятных дел сегодня.

«Надеюсь, у Каллертонна с девушкой все в порядке», – подумал он про себя.

– Не числится ли среди них ублажение некоей вдовушки? – поинтересовался Дэвлин.

Найт улыбнулся и не ответил.

– Везет же негоднику! – откликнулся Рейзби.

Остальные мужчины одобрительно захихикали.

– Может, тебе отложить шампанское, ведь завтра скачки. Думаешь, тебе удастся обойти Ховика? – спросил Булфорд.

– А в чем дело? Хочешь поставить против меня? – протянул Найт. Он скользнул взглядом по комнате в угол, где стояли старинные часы.

– Даже не мечтай, старина, – отозвался Булфорд.

– Мы любим получать деньги, а не терять их, – поддержал его Фаллингом.

Принесли новую бутылку шампанского.

– Ставлю пять сотен, что никто не сможет выпить всю бутылку залпом, – сказал Дэвлин.

– Так приготовься платить. – Фаллингом поднял бутылку и, приложив к губам, начал пить. Приятель окружили его и принялись притоптывать и припевать в знак поддержки.

Найт дождался, когда откроют еще две бутылки, и выскользнул прочь.

– Новое указание ехать на очередную улицу, – угрожающе произнес Мисборн, вытаскивая записку из-под повозки с яблоками на Катлер-стрит. – Это уже четвертая записка. Мотаемся туда-сюда по всему Лондону. Этот мерзавец просто держит нас за дураков.

– Он намерен максимально запутать нас, чтобы мы не смогли выследить его... и Мэриэнн, – поправил Линвуд.

– «Отдай документ мальчишке-шарманщику. Леди Мэриэнн будет доставлена к твоему дому», – вслух прочитал Мисборн. – Слуги еще идут за нами? – задыхаясь, спросил он Линвуда.

Тот кивнул и поднял с земли свою трость с рукояткой в виде волчьей головы.

– Что ж, будем надеяться, следом за мальчишкой они доберутся до логова мерзавца.

– Позвольте мне пойти, – попросил Линвуд.

– Если начнешь бегать по улицам, это привлечет слишком много внимания. Лучше сделаем, как я сказал. – Мисборн вынул из кармана сложенный и скрепленный печатью документ и направился к рыжеволосому мальчику с шарманкой.

Тот увидел Мисборна, направляющегося к нему, Мисборн же по его глазам понял, что мальчишка знал, чего ждет. Не сказав ни слова, мальчишка взял документ и тут же исчез в уличной толчее. Двое слуг Мисборна, поджидавших в переулке, двинулись за ним.

Найт взял документ из рук мальчика.

– Ты уверен, что смог оторваться от них?

– Да запросто. Я передал бумагу Джиму, тот отдал ее Доджеру, а Доджер снова вернул мне. Мы заставили их проплясать всю дорогу до доков, как вы сказали. Да там и оставили.

– Молодец. – Он положил монеты в грязную руку мальчишки.

– Всегда приятно иметь с вами дело, сэр. – И парень снова исчез.

Сердце Найта учащенно забилося. Сложенный листок был хрупким и пожелтевшим от времени. Через тонкую бумагу просвечивали буквы. От предвкушения у него пересохло во рту. Эта загадка мучила Рейфа ежедневно последние пятнадцать лет, и теперь он держал в руках ответ. Сделав глубокий вдох, осторожно развернул документ и пробежал взглядом по выцветшему тексту.

На документе стояла дата – июнь 1795 года. Это было письмо тогдашнего старшего министра, адресованное Мисборну. Затрагивалось несколько весьма щекотливых тем. По тону и подробностям становилось ясно, что корреспондентов связывали дружеские отношения. Многие с готовностью заплатили бы деньги за право прочитать это письмо. Его сведений хватило бы на небольшой скандал. Но Найт лишь скомкал бумагу в руке. От бешенства его глаза заволокло красной пеленой.

Мэриэнн первой услышала шаги с улицы. В комнату стремительным шагом вошел разбойник, одетый в тот же длинный черный плащ, который был на нем в Хаунслоуской пустоши. Однако голову покрывала аккуратная бобровая шапка, которую она заметила еще в карете, под плащом ее глаза разглядели тонкую белую рубашку и темный фрак. Маска, скрывавшая лицо, плотно облегла его.

Сапоги оставляли следы на грязном полу.

Наконец после всех этих часов ожидания он отвезет ее к отцу. Мэриэнн вся напряглась от нетерпения. Их взгляды встретились, и по его глазам, не золотистым и светящимся, а темным и страшным от холодной ярости, она поняла: случилось что-то плохое.

– Мисборн обманул нас!

– Он не отдал документ? – Стало ясно, сообщник потрясен не меньше ее.

– Отдал, но не тот. Неужели он думает, я настолько глуп, что не замечу?

– Вы говорили, он подлец, но чтобы рисковать собственной дочерью? Что ж он за человек такой? – Сообщник говорил шепотом, но Мэриэнн все слышала.

– Нет! – Мэриэнн резко вскочила, и стул с грохотом опрокинулся на пол. – Вы лжете! Отец, должно быть, не так понял. Вы плохо объяснили ему.

Злодей подошел ближе и впился в нее беспощадным взглядом потемневших глаз:

– Ваш отец прекрасно знает, что мне нужно, леди Мэриэнн.

– Нет, – прошептала она. Всем своим существом она чувствовала подвох. – Он не оставил бы меня здесь с вами. Он бы сделал все, что в его силах, чтобы спасти меня.

Она всем сердцем верила в это.

Взгляд разбойника слегка смягчился, и его слова, обращенные к девушке, прозвучали уже не так жестоко:

– Я сожалею, леди.

– Произошла ошибка.

– Никакой ошибки. – Его голос тоже смягчился.

– Вы лжете, – повторила она очень тихо и спокойно, стараясь скрыть бешеный стук сердца. Конечно же он лжет. Иначе и быть не может.

Разбойник не ответил, лишь стоял и смотрел на нее. В его глазах не было сожаления.

– Вы лжете! – Она перешла на крик. – Вы просто хотите получить от отца больше!

– Леди Мэриэнн... – Он попытался взять ее за руку.

– Нет! – Она вздрогнула и оттолкнула его. – Не прикасайтесь ко мне!

– Нам пора ехать, – произнес сзади его сообщник. – Что будем делать с девушкой?

Не сводя с нее глаз, разбойник ответил:

– Поедет домой с нами.

Сообщник жестом отозвал его в сторону. Мужчины переговаривались на пониженных тонах, но Мэриэнн удалось расслышать: «Давайте отпустим ее. Раз Мисборн не собирается отдавать документ...»

– Мы будем держать ее, пока он не отдаст.

Злодей говорил так твердо, что Мэриэнн поняла:

сообщнику его не переубедить. Он будет удерживать ее, и одному Богу известно, что с ней сделает. Злодей оглянулся и, увидев, что девушка прислушивается, оттолкнул сообщника подальше, повернулся к ней спиной так, что она не могла услышать ни единого слова. Мужчины увлеклись разговором и не заметили ни топота ног, ни шума голосов, ни детских криков. Дверь отворилась, и в комнату вбежали четверо детей, за которыми следовали мужчина и женщина с младенцем на руках, завернутым в грязную шаль.

Детей совершенно не смутило присутствие посторонних.

– Все в порядке, сэр? – Старший из детей, рыжеволосый мальчик, прошелся по комнате и кивнул разбойнику.

– Том! – прикрикнул на него мужчина, но ребенок, похоже, нисколько не испугался. – Прошу прощения, сэр, – обратился мужчина к разбойнику. – Мы думали, вы уже уедете. Сейчас мы уйдем и не будем мешать. Пошли вон, все! – грубо крикнул он детям, указав кивком на открытую дверь.

Один из детей зашелся в хриплом сухом кашле, младенец захныкал. От всего семейства исходил запах сырости, псины и немых тел.

– На сегодня мы закончили, – ответил разбойник, – по крайней мере, здесь.

Он сунул руку в карман, и Мэриэнн увидела, как блеснуло золото. Дети столпились вокруг, как мухи вокруг горшка с медом. Ее глаза скользнули на открытую дверь, на женщину, стоявшую позади. Все взгляды были прикованы к золоту. Мэриэнн не колебалась. Подобрал юбки, она бросилась бежать.

– Держите ее! – услышала она крик злодея. – Мэриэнн, стойте! Здесь опасно!

Но она уже захлопнула за собой дверь и бежала, не оглядываясь назад, бросившись во двор через распахнутую входную дверь, и выскочила на улицу.

Каблуки гулко стучали по камням мостовой и эхом отражались от каменных стен, теснящихся вокруг. Между домами на веревках раскачивалось мокрое грязно-серое белье. Мэриэнн увернулась от него и продолжала бежать, не обращая внимания на то, что грубые камни мостовой больно ранили ступни сквозь тонкие кожаные подошвы. На мгновение оглянувшись назад, она увидела темную фигуру, которая мчалась так быстро, что полы плаща широко вздымались, словно огромные черные крылья.

– Господи, помоги мне! – прошептала она и, преодолевая боль в боку, заставила себя бежать еще быстрее.

Девушка знала: нельзя дать злодею догнать ее. Неровную мостовую покрывала грязь. Внезапно под ноги кинулась собака, стараясь ухватить за пятку. Какая-то женщина, сидевшая у порога с бутылкой, что-то крикнула ей вслед и хрипло засмеялась. Но Мэриэнн продолжала бежать. Угодив ногой в яму мостовой, она споткнулась и упала, но тут же вскочила и побежала снова, свернула за угол и нырнула в узкий проулок направо, потом в другой налево. Девушка металась, отчаянно стараясь найти выход, но с каждым поворотом все больше углублялась в лабиринт теснящихся вокруг домов.

Улочки становились все уже и темнее, дома все выше и уродливее, лица проходящих мимо людей все грубее. Мэриэнн запыхалась, чувствуя в горле привкус крови, звуки ее дыхания перекрывали все остальные. Она поняла, что совсем выдохлась и не может двигаться дальше. Юркнув направо в очередную узкую улочку, девушка прислонилась спиной к стене и закрыла глаза, хватая ртом воздух. С каждым вдохом она ощущала острую, как лезвие ножа, боль в боку.

Разбойника не было слышно. Она вообще не слышала ничего, кроме обычного дневного шума в отдалении да собственного прерывистого дыхания. Кажется, ей удалось уйти от погони. Спасена! Мэриэнн с облегчением вздохнула.

Тут ее нос уловил запах табака, и она поняла, что рядом кто-то есть. Девушка открыла глаза и огляделась. Чуть дальше по улице увидела троих мужчин, бесцельно болтавшихся у входа в притон. Они были одеты во что-то коричневатое-серое, под цвет каменных стен. Двое посасывали длинные тонкие глиняные трубки. И все трое наблюдали за ней с голодным выражением жестоких лиц.

Каким бы сильным ни было ее желание убежать, Мэриэнн понимала, что эти люди совсем иного сорта. Они ничего не гарантируют. И им нет никакого дела до ее отца.

Девушка окаменела от ужаса. Каждый мускул тела напрягся в готовности к бегству, но она не двигалась с места. Смотрела направо, туда, где начиналась улочка. Оттуда показались еще двое мужчин в грязных потертых одеждах. Они молчаливо стояли, занимая собой всю ширину улочки и перекрывая путь к отступлению. Девушка почувствовала пустоту и слабость в желудке, сердце словно подскочило вверх и забилось в горле. Она взглянула налево, в надежде понять, не сможет ли проскользнуть мимо тех троих, но увидела, что из-за входной двери за ней следит узколицый мужчина со шрамом на щеке, а другой, огромный, как медведь, сидит на ступеньках. Никогда прежде она так отчаянно не пугалась. Медленно и плавно, словно перед ней стая волков, она отделилась от стены.

Узколицый вышел из двери и шагнул на улицу. За ним, как по команде, последовали двое других.

Мэриэнн повернулась кругом в попытке проскочить мимо тех двоих, что перекрывали выход с улицы, однако это оказалось невозможно, и она отступила назад.

– Куда ты так спешишь? – сказал один из них. – С такой хорошенькой малышкой, как ты, можно неплохо позабавиться. – Его глаза пробежали по всему ее телу, прежде чем снова остановились на лице. Он медленно и многозначительно облизнул губы нездоровым языком.

Мэриэнн оглянулась на приближающуюся группу мужчин.

– Деваться некуда, дорогуща, – продолжил тот, что заговорил первым. – Улыбнись мне, и я буду к тебе добр. – Он засмеялся.

Мэриэнн понимала, что будет дальше. Знала, но не могла сделать ничего, чтобы остановить их. Девушка собралась было кричать, но тут увидела в начале улочки высокую темную фигуру.

Глава 3

Она узнала разбойника. Но он был один против семерых мужчин, окруживших ее. Двигался вперед с таким мрачным и свирепым видом, что девушка невольно похолодела. Головорезы направились в его сторону, однако он без колебаний продвигался вперед.

Один из тех насмешливо улыбнулся:

– Думаешь, мы испугались тебя из-за этой чертовой маски?

Мэриэнн не слышала, что ответил разбойник. До нее донесся лишь отвратительный хруст ломающейся кости. Бандит больше не смеялся. Внезапно мужская рука обхватила девушку за плечи, и она увидела, как узколицый смотрит на нее сверху вниз.

– Пустите меня! – Мэриэнн попыталась вырваться, но узколицый ухмыльнулся в ответ.

Девушка не смогла разглядеть, что происходит, но слышала, как сыпался град ударов, как хрипели, стонали и бранились бандиты. Человек в маске нагнал на них такого страха, что они совсем стусевались. Вид у них был сильно помятый. Один, отброшенный к стене, сползал вниз бесформенной кровотокающей массой. Другой повернулся и бросился наутек.

Никогда прежде Мэриэнн не встречала такой мощи и абсолютной безжалостности. Она была потрясена до глубины души. И не только она одна. Злобно огрызнувшись, узколицый жестом направил на разбойника самого рослого и толстого из своих людей – гиганта с огромными ручищами в шрамах. Мэриэнн увидела, как он достал из кармана страшного вида охотничий нож.

– Пошли, дорогуша. У нас с тобой свои дела. Фитц позаботится, чтоб нас не отвлекали. – И узколицый потащил девушку к входной двери.

– Нет! – Мэриэнн боролась, изо всех сил пытаясь освободиться. На мгновение она встретила глазами с разбойником. Что-то неуловимое связало их в этот миг. Он ее враг и одновременно единственная надежда. Совсем не похож на этих головорезов. Мэриэнн никогда не встречала таких, как он. Разбойник перевел взгляд на мужчин, стоявших между ними. Девушка вздрогнула, увидев, как потемнели его глаза. В ужасе посмотрела на него, желая бежать к нему и от него одновременно. Пальцы узколицего все больше впивались ей в плечо. Он с такой силой потянул ее за руку, что она не удержалась и упала на колени. Бандит рывком поднял ее на ноги и потащил к дому, на пороге которого она его видела раньше, оставив позади звуки разгорающегося побоища.

Они уже дошли до двери, когда раздался пронзительный крик боли и ужаса, от чего волосы на голове Мэриэнн зашевелились, она похолодела. Потом все стихло. Девушка повернула голову и увидела, что огромный мужик лежит, скорчившись, на земле и плачет, как ребенок. А разбойник все продолжал двигаться вперед, безжалостный и неуправляемый.

Найт видел, как узколицый тащит Мэриэнн Уинслоу к дому. Девушка, не отрываясь, смотрела на него, и в этот момент он впервые увидел ее такой, какой она была на самом деле, испуганной и беззащитной. Теперь уже не дочерью Мисборна, а просто женщиной, оказавшейся в смертельной опасности по его вине. Найт ощутил всю глубину ее страха, немую мольбу, затронувшую такие глубинные струны его души, о существовании которых он давно забыл. Казалось, внутри что-то вскипело и разлилось огнем по всему телу. Двое мужчин отделили его от нее. Рейф понимал, что время уходит.

– Ну, парень, давай, – усмехнулся тот, что ниже ростом, – покажи, на что ты способен. – Бандит с почерневшими зубами сложил пальцы в непристойном жесте. – Правда, деремса мы не по правилам.

Найт изо всех сил ударил головореза кулаком в нос. Мужчина упал и больше не поднимался. Оставшийся поднял руки в знак капитуляции.

– Можешь забрать ее. – Даже под слоем сажи было видно, как он побледнел. – Только не бей меня. – Предательская мокрая полоса выступила на его штанах. Однако Рейф все равно ударил и бросился к двери.

Сверху доносился шум борьбы. Дверь захлопнулась, заглушая звуки. Перепрыгивая через две ступеньки, Найт взбежал на второй этаж. Звуки борьбы усилились. Он распахнул дверь и увидел Мэриэнн, вжавшуюся в стену, а перед ней узколицего, который расстегивал ремень на брюках. Оба мгновенно повернулись к нему.

– Какого черта? – Насильник почесал себе между ног, хитрые глазки скользнули по разбойничьей одежде Найта и платку, закрывавшему лицо. – Проваливай, ищи себе другую.

– Она моя, – ответил Найт.

– Здесь моя территория и все здесь мое. – Он достал из кармана куртки бритву и принялся размахивать ею перед Рейфом. – Проваливай. Третий лишний.

– Понятно. – Но вместо того, чтобы уйти, Найт шагнул напрямик на бандита.левой рукой поймал его руку с бритвой, правой ухватил сзади за приспущенные штаны и, прежде чем тот успел сообразить, что происходит, вышвырнул в окно.

Когда Рейф обернулся к Мэриэнн, она по-прежнему стояла неподвижно, прижавшись спиной к стене, словно окаменевшая.

– Вы убили его, – прошептала она.

Выражение смертоносной ярости сбежало с его лица.

– Вряд ли. Это всего лишь второй этаж. Возможно, он сломал пару ребер. – Рейф сделал паузу. – Он ничего с вами не сделал?

Она пристально посмотрела ему в глаза:

– Нет.

– Слава богу!

Голос девушки звучал тихо и спокойно, но лицо оставалось смертельно бледным, в глазах все еще стоял страх, который она не успела скрыть.

Внизу кто-то застонал.

– Нам надо уходить. Немедленно.

Однако девушка продолжала стоять, словно не могла поверить в то, что происходит.

– Леди Мэриэнн, – настойчиво повторил Найт, понимая, что время не терпит, схватил ее за руку, и они выбежали из комнаты.

На кухне дома Найта на Крейвен-стрит было тепло и пусто, если не считать двух мужчин за столом. Рагу, которое готовил Каллертон, доходило в печи, наполняя воздух роскошным ароматом. Часы, висевшие высоко на стене между двух окон, равномерно и неторопливо тикали. Каллертон задернул тонкие занавески на окнах. Приглушенный дневной свет создавал внутри атмосферу уединения.

– Когда я оттуда выбрался, вас уже не было видно. Я понял, вы не вернетесь, – сказал он, открывая бутылку бренди, стоявшую между ними на выскобленном дубовом столе, и наполняя два стакана.

Найт кивнул. Оба знали, как поступать в случае непредвиденных обстоятельств.

– Как она?

– Отдыхает.

– Вы успели ее вытащить?

Найт снова кивнул.

– В последний момент.

В той комнате честь Мэриэнн висела на волоске, и Найт невольно подумал, что бы он стал делать, если бы опоздал. Убил бы подонка на месте. А потом всю оставшуюся жизнь прожил с чувством вины.

– Хвала Всевышнему! – Каллертон одним глотком выпил бренди. – Вам надо вернуть ее отцу.

Рейф и сам понимал это. Но он зашел слишком далеко и уже не мог отпустить дочь Мисборна просто так.

– Мисборн на это и надеется. Она останется у нас... пока. – В его памяти стояли ее черные глаза, смотревшие на него с бесконечной искренностью. Взгляд, который он не мог забыть.

Каллертон в задумчивости потер лоб.

– Но ведь дата на письме, которое он отдал, верная. Да и содержание явно не для разглашения. Вы уверены, что это не то?

– Абсолютно.

Главное – не думать о девушке. Все это имеет отношение только к Мисборну. Только к нему и не иначе. Каллертон скорчил скептическую мину и покачал головой:

– Но это полная бессмыслица. Зачем Мисборну отдавать письмо, которое можно использовать против него, если все равно это другой документ?

– Возможно, он хочет проверить, насколько хорошо мы знаем, что нам нужно.

– И если он поймет, что нас надуть не удалось, отдаст настоящее письмо.

– Есть только один способ это выяснить.

– Как мы можем известить его?

– Помнишь ночь перед Виимеро?

Брови Каллертона поползли вверх.

– Вы шутите?

– Нисколько.

– Слишком рискованно.

– Это даст ему понять, что мы настроены серьезно.

– Да уж, это точно сработает. – Каллертон повертел в руках пустой стакан. – Только не хотел бы я быть на вашем месте сегодня ночью.

– Хитрец, – усмехнулся Найт.

Каллертон засмеялся.

Мэриэнн стояла у камина в полутемной спальне, ставшей ее тюрьмой, и смотрела на пламя единственной свечи. Ставни на окнах были закрыты, и, несмотря на вечернюю прохладу, огня в камине не было.

В голове девушки непрерывным вихрем неслись беспокойные мысли. Она вспоминала бандитов в притоне, вспоминала, как они добирались до дома. Все это казалось таким невероятным, словно происходило во сне. Мэриэнн отчетливо помнила сильную руку своего похитителя, заботливо обнимавшую ее, и сомнительных типов, притаившихся в тени узких улочек. Они следили за разбойником колючими, настороженными глазами, но не приближались. Стояли как вкопанные, а если и решались двинуться, то только чтобы отойти в сторону и дать им дорогу. Семья и слуги всегда ограждали Мэриэнн от любого, кто не входил в их узкий избранный круг. Здесь совсем по-другому. Такого она никогда не испытывала. Мужчины смотрели на разбойника со странным смешанным чувством враждебности и почтительности, а женщины – с особенным нескрываемым интересом. Разбойник вломился в их мир и вырвал ее из их цепких лап. И хотя это было им не по нраву, ни один не решился остановить его.

Он твердым шагом вел ее по лабиринту узких переулков, поворачивая то туда, то сюда, пока, наконец, улочки не стали шире, а свет пробился сквозь туман. Улицы становились все оживленнее, но прохожие по-прежнему держались поодаль от разбойника и его спутницы. Где бы они ни появлялись, толпа расступалась, пропуская их. Даже в своем полусонном состоянии Мэриэнн понимала, в чем причина. Они боялись разбойника, все до единого.

Рядом с ним Мэриэнн Уинслоу, которая последние три года пугалась даже собственной тени, Мэриэнн Уинслоу, у которой оснований бояться было больше, чем у кого бы то ни было, прошла мимо самых опасных лондонских притонов, мимо воров и бандитов невредимой и без страха. В голове и перед глазами продолжали вертеться те особенные взгляды, которыми провожали ее, потому что она шла с ним. Она вспоминала то чувство свободы и силы, перед которым отступал любой страх.

Она должна была бы дрожать и рыдать от ужаса. Вместо этого смотрела сквозь пламя свечи, словно не видя его, и понимала, что наполнявший ее покой пришел сам собой, без всяких стараний с ее стороны, без успокоительных капель. Разбойник, самый опасный из всех, дал ей ощущение безопасности. Безумие какое-то.

Пламя сильно задрожало. Девушка сосредоточила взгляд на маленьком огарке и поняла, что свечка скоро погаснет. Она взяла подсвечник и, держа его высоко над головой, осмотрелась вокруг. Она находилась в женской спальне, которой давно не пользовались, о чем свидетельствовала атмосфера тихой печали, царившая в ней. На стенах, выкрашенных в желтый цвет, висело несколько миниатюр. Напротив камина – большой натюрморт с изображением букета экзотических цветов. Мэриэнн пересекла комнату, чтобы осмотреть туалетный столик. Там стоял набор для косметики, склянки для духов, баночки для крема, коробка для шпилек, шкапулка для драгоценностей и два канделябра, оба без свечей. Не нашлось свечей и ни в одном из комодов. Девушка посмотрела на кровать, большую, с пологом на четырех столбах. Покрывала и подушки украшал выцветший узор из цветов и птиц, цвет которых невозможно было разглядеть в тусклом пламени свечи. По одну сторону кровати – небольшой платяной сундук, по другую – стол. Свечей не было ни на одном из них и на маленьком шкафу с книгами. За стоявшей в углу китайской ширмой, расписанной золотом, тоже ничего не нашлось. В огарке свечи образовалась лунка, заставляя пламя плясать все сильнее, фитилек догорал все быстрее, и страх змейкой пополз по телу Мэриэнн.

Девушка ощупала пальцами ставни и нашла задвижку, но никакими усилиями ей не удалось открыть ее. Помучившись некоторое время, она поняла, что ставни забиты гвоздями.

В спальне было две двери, одна – напротив изголовья кровати, вторая – слева от окна. Мэриэнн по очереди проверила их. Пробовала открыть замки, вертела и тянула ручки. Однако обе двери оказались заперты, подтверждая то, чего она боялась – она в ловушке. Ничего не оставалось, как только сидеть и ждать, когда догорит свеча. От этой мысли екнуло сердце.

Тогда, в притоне, Мэриэнн была с ним в безопасности, но здесь все изменилось. Теперь она пленница, заперта в одиночестве в этой спальне. Девушка знала, каким грозным мог быть разбойник и как он зол на ее отца из-за документа, который тот не отдал. Что с ней станет, когда догорит свеча? Разбойник говорил, что опасаться нечего. Она снова взглянула на свечу. Нет, не он пугал ее – она страшилась другого.

Мэриэнн закрыла глаза и принялась считать вдохи и выдохи, как делала всегда, когда становилось страшно. Она старалась дышать реже и глубже, чтобы унять растущую тревогу. А когда удалось успокоиться, она поняла, как надо действовать.

- Готово. – Каллертон смахнул последнюю пылинку с темно-синего фрака Найта.
- Полагаю, мальчик уже доставил Мисборну послание. И теперь мы... – Раздавшийся сверху грохот не дал Рейфу закончить. Он поднял бровь. – Что за черт!
- Похоже, она решила протаранить дверь, – отозвался Каллертон. – Пойти связать ее? Найт покачал головой:
- Я сам разберусь с леди Мэриэнн.
- Но через пять минут вы должны быть на обеде у Дэвлина.
- Значит, опоздаю. Дэвлин ничего другого и не ждет. Непунктуальность нынче в моде. К тому же у меня нет охоты до его послеобеденных развлечений.

- Девушки?
- На сегодняшний вечер у него заказаны красотишки миссис Сильвер.
- Опять?
- Опять, – подтвердил Найт.

Каллертон присвистнул:

- Значит, сегодня вы поздно вернетесь.

Оценив перспективу, Рейф нахмурился.

- Сделаю вид, что остаюсь, но приду вовремя.

– Большинство мужчин не упустили бы такой шанс. Думаю, большинство предпочли бы сделать дело, а не имитировать его.

- Да, но я не большинство.

– Вы правы. – Каллертон понизил голос. – Большинство бросили бы меня подыхать тогда, в Португалии.

Мужчины посмотрели друг на друга. Все их прошлое незримо присутствовало в этой комнате.

Сверху послышался громкий звук, будто по дереву ударили чем-то тяжелым.

- Мы доберемся до него, – сказал Каллертон.

– Да, черт возьми, доберемся. А пока пойду утихомирю его дочь. – Найт достал из кармана маску из черного шелка, надел ее, прихватил зажженный канделябр и отправился наверх.

Черепашковидный гребень, украшенный слоновой костью, раскололся на три части, – так сильно Мэриэнн колотила им в дверь. Она отбросила его в сторону и продолжила атаковать дверь ногами и кулаками, не обращая внимания на боль.

Тревога нарастала, девушка боялась, что, если разбойник не явится в ближайшее время, она не сможет совладать с ней. Мэриэнн колотила с такой силой, что кровь стучала в руках и начали проступать синяки. Она оглянулась на каминную полку, на догорающую свечу. Пламя уже начало затухать. Еще немного – и оно погаснет. От этой мысли стало дурно. Мэриэнн закусил губу и принялась стучать еще сильнее.

За шумом она не слышала его шагов. Щелкнул замок, и он оказался в спальне.

– Леди Мэриэнн. – Хриплый голос звучал, как никогда, сурово. – Похоже, вы жаждете моего общества. – Он стоял, высоко держа канделябр, дрожащее пламя свечи отбрасывало на стены стремительные пляшущие тени. Его брови сильно хмурились, в полумраке он казался еще выше и шире в плечах. На нем был строгий дорожной вечерний костюм: темно-синий фрак, белая сорочка, жилет, галстук и темные панталоны. Только маска, закрывавшая лицо, не вязалась с такой одеждой. Весьма необычный разбойник.

– Свеча почти догорела. – Гордость не позволила ей сказать больше. Мэриэнн посмотрела на каминную полку, где потрескивала одинокая свеча.

– Действительно. – Он не двинулся с места, продолжая смотреть на девушку. Его взгляд упал на сломанный гребень. – Неподобающее поведение для леди.

– Грабеж на большой дороге, нападение на моего отца и мое похищение в день свадьбы не пристали джентльмену.

- Вы правы, – согласился Найт. – Но я уже говорил, что таким меня сделал ваш отец. Мэриэнн смотрела на него.

- Да что, наконец, сделал вам мой отец? В чем вообще дело?

Разбойник мрачно усмехнулся:

- Разве я вам еще не сказал?

- Мой отец порядочный человек вопреки тому, что вы думаете.

– Нет, леди, он непорядочный. – При упоминании об отце в его глазах вспыхнула такая свирепость, что девушка отступила назад и невольно толкнула ногой большой осколок гребня, который отлетел вперед и остановился прямо у ног разбойника.

Она увидела, как его колючий взгляд скользнул по осколку, а затем остановился на ней.

– Это был гребень моей матери.

Мэриэнн посмотрела на гребень, потом на разбойника, и от страха у нее екнуло сердце. Она сглотнула.

– А она знает, что ее сын разбойник, который ограбил и запугал половину Лондона?

– Газеты, как всегда, преувеличивают, леди. Я ограбил и запугал только шестерых. Один из них – ваш отец.

Девушка вздрогнула, потрясенная его признанием.

– К тому же моя мать мертва, – добавил он.

Мэриэнн, сбитая с толку, отвернулась, не зная, что сказать.

Не обращая на это внимания, он продолжал:

– Вы ломали дверь, чтобы сбежать, или просто хотели испортить мое имущество?

– Ни то ни другое, – ответила она. – Я хотела... привлечь ваше внимание.

– Вам это удалось. Я в вашем распоряжении. – Он смотрел на нее с неумолимой суровостью. – Что вы хотели мне сказать?

Мэриэнн почувствовала запах догоревшей свечи. Повернулась к камину, но там уже царил тьма. Потаенная часть ее существа рвалась открыть ему правду, просить, умолять. Но даже перед лицом надвигающегося кошмара гордость не позволяла сделать это. Мэриэнн с трудом сдержалась, чтобы в приступе паники не броситься вырывать канделябр у него из рук. Вместо этого она высоко подняла голову и заставила себя спокойным голосом произнести:

– Все подсвечники пусты.

Разбойник и глазом не моргнул. Девушке показалось, что в его взгляде промелькнуло какое-то непонятное выражение. Он шагнул вперед. Она отступила назад.

Мужчина смотрел ей прямо в глаза пронзительно, словно видел насквозь потаенные уголки ее души. Ей следовало отвернуться, но страх перед тьмой не позволил ей это сделать.

Повисла колючая холодная тишина.

Наконец Мэриэнн вздернула подбородок.

– Буду весьма признательна, если вы поставите в них свечи. Во все. – Она попыталась представить себе, что перед ней лакей из отцовского дома. Однако сердце отбивало бешеный ритм, пришлось плотно сжать ноги, чтобы унять дрожь.

В глазах разбойника появилось насмешливое выражение. Он повернулся и двинулся к двери, унося канделябр с собой. Мэриэнн уже слышала тихий шепот тьмы за спиной.

– Нет! Стойте. – Она обеими руками вцепилась в его рукав, отчего пламя свечей резко заколебалось. – Вы не можете... – Не отпуская его, девушка проскользнула вперед к двери, пытаясь преградить путь к выходу.

Он взглянул на свой рукав и потом посмотрел ей в лицо.

Мэриэнн почувствовала, что краснеет, и убрала руки.

– Куда вы, сэр?

Она в смущении отвернулась. Сердце стучало так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Мэриэнн почувствовала слабость.

Разбойник удивленно поднял брови:

– Если не ошибаюсь, вы хотели, чтобы принесли свечи. Я намеревался отправить человека с ними.

Она украдкой взглянула на канделябр, потом покосилась в темноту, заполнявшую все вокруг.

– Но... – Слова замерли у нее на губах. Она не хотела говорить, не хотела, чтобы он догадался.

Зловещая тьма притаилась. Мэриэнн почувствовала, как страх, начав с легкого покалывания в области шеи, пополз по затылку.

– Леди Мэриэнн.

Девушка снова посмотрела на разбойника, в его глаза, светившиеся теплым медовым светом в отблеске свечей. «Пожалуйста», – хотелось ей сказать, хотелось попросить. Она почувствовала, как все тело охватила дрожь. Этого нельзя допустить. Только не сейчас перед ним. Она покачала головой.

– Может быть, мне оставить здесь свет?

– Да. – Мэриэнн почувствовала огромное облегчение и чуть не расплакалась. – Да, – повторила она, не в силах сказать больше ничего.

Разбойник передал ей канделябр. У нее задрожала рука. Противно думать, что он может это заметить. Взяв канделябр, она отвернулась.

– Благодарю вас. – Она вернулась в глубь комнаты, крепко держа канделябр, отгоняя темноту прочь.

На мгновение в спальне воцарилась тишина. Затем щелкнул дверной замок и послышался звук удаляющихся шагов.

Мэриэнн смотрела на танцующее пламя свечей и снова подумала, что он и вправду необычный разбойник.

Часы на каминной полке пробили полночь. Оставив жену и сына в гостиной, Мисборн пошел к себе в кабинет. Ему надо было подумать. Побить одному, чтобы не слышать непрерывных причитаний супруги. Он ввязался в такую игру, от которой его сердце в ужасе трепетало, а желудок сводило от страха.

– Если бы он ее отпустил, она была бы уже здесь, – шепнул ему Линвуд.

Мисборн знал, что сын прав. И все же он не мог в это поверить. Пришлось выпить бренди, чтобы успокоить нервы. Ему необходимо время собраться с силами и спрятать свои страхи.

Однако, как только он открыл дверь в кабинет, все изменилось. На столе, который он оставил пустым, лежали два листка бумаги, белевшие, словно маленькие островки, на огромной глади полированного темного махагона. На одном из них, аккуратно обрезанном, было что-то написано. Другой был измят и скомкан в шарик. Сердце графа екнуло и понеслось галопом. Он поспешно кинулся к столу. Записку украшал его собственный герб, тем не менее чья-то чужая рука вывела на нем всего три большие буквы и единственное слово.

IOU¹ Мисборн.

Чернила блестели при свете свечи. Мисборн протянул дрожащую руку, дотронулся пальцем до записки и увидел, как расплзлись буквы. Поняв, что чернила еще не успели высохнуть, он стремительно обернулся. Шторы на окне колыхались. Граф распахнул их, но там никого не оказалось. Окно было открыто, влажный ночной воздух наполнил ноздри. Опершись на подоконник, Мисборн высунулся наружу в поисках человека, который имел наглость явиться среди ночи в его собственный дом и оставить послание. Ни один из фонарей, стоявших вдоль дороги, не горел. Улица была темна и безлюдна. Ни одной живой души. Даже собаки не лаяли. И никаких следов разбойника.

Даже не разворачивая смятый листок, граф понял, что это письмо, которое он передал злодею. Его можно было использовать против Мисборна, и, оказавшись оно в плохих руках, будет дорого ему стоить. Правда, сейчас оно было смято и выброшено за ненадобностью. Разбойник хорошо знал, какой документ ему нужен. Но в живых оставался только один человек, который

¹ IOU – на юридическом английском обозначение долговой расписки. (Примеч. пер.)

осведомлен. От одной только мысли Мисборну стало дурно. Он сделал все, чтобы его остановить. В своих самых жарких молитвах просил Господа не допустить этого. Мисборн закрыл окно и задернул шторы, хотя понимал, что от этого мало толку. Разбойник был в его доме, в единственном месте, где граф чувствовал себя в безопасности.

Он налил себе виски, сел за стол и выпил крепкую согревающую жидкость. Перед глазами стояли слова из послания. Никогда еще граф не испытывал такого страха и за себя, и за Мэри-энн. Он понимал, что, если разбойник снова встретится с ним, у него будет только один выход.

Если только он с ним встретится.

Глава 4

Мэриэнн сидела на краешке кровати. Огонь, который зажег прошлой ночью в камине сообщник разбойника, давно погас. В комнате стало холодно. Через трещины в ставнях в спальню просачивался свет раннего утра. Постель была лишь слегка примята в том месте, где девушка пролежала всю ночь без сна поверх покрывала. Простыни остались нетронутыми, как и ночная рубашка, аккуратно сложенная на комод. Она даже не разувавалась.

Впервые за последние три года Мэриэнн Уинслоу провела ночь одна, ни на мгновение не сомкнув глаз, и всю ночь ждала. Однако разбойник не вернулся в ее комнату, не тронул ее. Вместо этого велел принести свечей, которые разогнали ночную тьму. Когда ночь уступила место рассвету, страх рассеялся. Она вспоминала о том, каким он был в притоне. Какими глазами смотрел на нее тогда. Как пасовали перед ним бандиты, с каким настороженным уважением смотрели на него. Он вывел ее невредимой из этого ада.

Он сильнее и опаснее любого бандита. Девушка вспомнила, как прошлой ночью в приступе паники вцепилась в него, пытаясь загородить собой дверь, чтобы не дать ему уйти. Она закрыла глаза от досады. Он ведь все понял. Мэриэнн видела это по его глазам. И все же разбойник не вымолвил ни слова, не пытался воспользоваться ее слабостью.

Девушка скинула туфли и уселась на ковре так, чтобы оказаться в теплом свете яркого солнечного луча.

Она снова и снова возвращалась мыслью к мужчине с красивыми завораживающими глазами цвета меда. Представляла темную маску, скрывавшую его лицо. И странные противоречивые чувства теснились у нее в груди.

Когда Найт отворил дверь в желтую спальню, он вздрогнул от неожиданности. Все ранее заготовленные слова вылетели у него из головы. Увидев, как Мэриэнн торопливо поднимается со своего места на полу, он замер на месте и позабыл обо всем на свете. В комнате царил полумрак, но сквозь щели в запертых ставнях пробивались стрелы солнечных лучей. Девушка стояла прямо на линии узкого солнечного луча, освещавшего ее мягким белым светом. Было что-то неземное в ее нежной бледности, в глубоких темных глазах, заглядывающих прямо в душу.

Наконец Рейф заставил себя очнуться. Он вошел в комнату и поставил поднос с завтраком на соседний столик. Щеки девушки вспыхнули. Как же стыдно оказаться застигнутой на полу! Взгляд Рейфа упал на босые мыски ее ног, выглядывавшие из-под юбки, затем медленно пополз вверх по свадебному платью, измятому от сна, и выше по красноватым припухлостям, оставленным на груди тугим лифом. Ее волосы белокурым водопадом локонов спадали по плечам, доходя почти до пояса. Мэриэнн Уинслоу так растрепана и прекрасна, словно только что выскользнула из постели любовника.

Глаза Рейфа остановились на лице девушки и утонули в темной глубине ее глаз, таинственных и непреклонных. И вновь, как тогда, когда он впервые увидел ее, Рейфа обдала жаркая волна желаний. Он старался не поддаваться. Под его пристальным взглядом девушка покраснела еще сильнее и отошла в сторону, судорожно теребя измятую юбку, стараясь спрятать под ней босые ноги.

Найта интересовало, отчего двадцатилетнюю женщину так ужасает темнота. Казалось, за этим стоит нечто большее, чем страх перепуганного ребенка. Но он видел, какие огромные усилия она прилагала, чтобы скрыть от него этот факт, и понимал, что, если задаст такой вопрос, она будет все отрицать, ничего не расскажет.

– Подарок Пикеринга? – Он жестом указал на тяжелый дорогой жемчуг, украшавший шею девушки.

Мэриэнн кивнула.

– Вы ведь знали, что я еду венчаться, еще до того, как мой отец сказал вам об этом?

Сегодня ее глаза смотрели иначе. Они стали более светлыми, и в них не чувствовалось презрения. Что-то из защитного панциря еще оставалось, но у него возникло ощущение, будто она подняла забрало, хотя по-прежнему осторожничала, при этом прежней враждебности не проявляла.

– Брак по расчету всегда вызывает интерес в свете. – Рейф пожал плечами, будто говорил о чем-то незначительном. Он не собирался рассказывать, сколько сил потратил на то, чтобы разузнать о Мисборне все, что можно, и о том, что уже два месяца ждал удобного случая, чтобы похитить его дочь.

– Вы все еще хотите ограбить нас?

В ее голосе он уловил одновременно любопытство и осуждение.

– Вы считаете меня жестоким? Не стану отрицать: в отношении вашего отца все так и обстоит.

– Вы не должны были причинять ему вред.

Рейф заметил, как потемнели ее глаза, когда она вспомнила, что произошло на пустоши. Однако извинений принести не собирался.

– Мне жаль, что вы стали свидетелем насилия.

– А вы не жалеете о том, что сделали?

Он отрицательно покачал головой:

– Мисборн заслуживал большего.

Жестокая правда, и Рейф не собирался лгать ей.

Мэриэнн сглотнула, ее лицо вновь приобрело неприязненное выражение. Что бы ни думал о Мисборне, Рейф не мог не восхищаться ее преданностью отцу, тем мужеством и решимостью, с которыми она бросалась на защиту этого негодяя. Он как завороченный смотрел на ее нежное овальное лицо и полные губы. Наконец, придя в себя, так крепко стиснул зубы, что хрустнула челюсть. С досады Рейф отвернулся и пошел прочь. Она же дочь Мисборна! Нельзя забывать об этом.

– В том переулке было семь головорезов, – тихо и осторожно произнесла девушка, – а вы один, но не воспользовались пистолетом.

Ее слова заставили Найта остановиться, но он не обернулся.

– На шум выстрела могло сбежаться еще больше крыс.

– Почему вы спасли меня? – Ее голос прозвучал так, что Найт позабыл все на свете.

Он посмотрел на нее. Она – само искушение. Эти глаза, такие мягкие и темные, могли лишить рассудка любого.

– А почему я не должен был этого делать?

– Вы ненавидите моего отца.

Ненавидите! Слишком мягко, чтобы передать всю палитру чувств по отношению к Мисборну. Он помедлил с ответом, заглянул в ее глаза, похожие и в то же время не похожие на глаза ее отца.

– Кем бы ни был ваш отец, со мной вы в безопасности.

«В безопасности!» Мэриэнн уже давно забыла те времена, когда чувствовала себя в безопасности. Ей казалось, они больше никогда не вернуться, как ни старались члены семьи защитить ее. Она пылливо всматривалась в лицо мужчины. В лучах утреннего солнца его глаза горели золотым пламенем. Да, он разбойник. Напал на отца и похитил ее. Держит ее пленницей. Она видела, как обитатели лондонского дна склонялись перед ним. Под черной шелковой маской мог оказаться кто угодно. Но кем бы ни был, он не воспользовался ее слабостью, хотя и мог бы. Принес свечи, чтобы разогнать темноту. И он спас ее, хотя ради этого ему пришлось одолеть семерых.

Их взгляды встретились, но Мэриэнн не отвела взгляда, погружаясь в эти янтарные глаза, пытаюсь разгадать человека, скрывавшегося под маской. Он не лгал. Такой, как он, не может лгать.

Его взгляд смягчился. Разбойник потянулся к ней, словно хотел дотронуться до руки, но в последний момент остановился и убрал руку.

– С вами все в порядке?

Мэриэнн продолжала смотреть ему в лицо, не в силах отвернуться. Рейф тоже не сводил с нее глаз.

– Да, – наконец произнесла она, кивнув, – все хорошо.

Как часто Мэриэнн произносила эти слова за последние три года! Но только сейчас, стоя в запертой спальне рядом с человеком в маске, который похитил ее, она поняла, что близка к этому.

– То письмо, которое, по вашему мнению, находится у отца...

Он молчал.

– Я знаю, вы уверены, что он понимает, о чем речь. – Девушка заметила, как в его глазах мелькнуло что-то пугающее, но не остановилась. – Вы будете снова требовать его? Объясните отцу, что хотите именно это письмо?

– Я уже это сделал.

Девушка кивнула и, немного успокоившись, продолжала:

– Я слышала, как вы с сообщником говорили о каком-то документе. Отец отдаст его вам. Отец отдаст что угодно, лишь бы выволить ее.

– Я готова поклясться жизнью.

Он не ответил. Еще мгновение продолжал смотреть на нее, потом повернулся и вышел, оставив ее одну в запертой спальне.

Через пять минут Мэриэнн услышала, как лязгнул засов входной двери, затем раздался удаляющийся стук конских копыт. Все ясно, он уехал. На лестнице слышались шаги сообщника. Мэриэнн слышала, как он прошел по коридору в соседнюю комнату. Из комнаты слышался шум открываемых и закрываемых шкафов, после чего он отпер дверь ее спальни и, постучавшись, вошел.

– Соболаговолите пройти сюда, леди. Мне приказано показать вам другую комнату, там вы могли бы провести день. Там ставни не заколочены.

Он отвел Мэриэнн в спальню в противоположной стороне коридора. После полумрака желтой комнаты солнечный свет показался ей таким ярким и сияющим, что пришлось зажмуриться, пока глаза не привыкли к нему. Стены в комнате были холодного голубого цвета, постель черного, как ночь, а мебель красного дерева несла на себе явный отпечаток мужского вкуса. Перед зеркалом рядом с тазом для умывания Мэриэнн заметила мыло, помазок и бритву. Она без лишних вопросов догадалась, чья это спальня. Сердце девушки застучало с удвоенной силой, под ложечкой засосало. Охваченная внезапным подозрением, она в нерешительности остановилась.

– Он решил, что вам будет лучше на солнечной стороне. К вечеру солнце уйдет за дом. – Мужчина на минуту замолк. – Вам нечего бояться, барышня. Мне велено отвести вас назад в желтую спальню до его возвращения.

Мэриэнн обернулась и взглянула в его лицо, скрытое небрежно повязанной серой маской.

– А не проще ли вынуть гвозди из ставней?

– Нет, леди Мэриэнн. – Мужчина в смущении отвернулся.

– Это из-за того, что окна выходят на фасад, – предположила девушка, – и меня могут заметить?

– Все немного сложнее, леди. Ставни в спальне должны быть закрыты. Так же как и в спальне хозяина.

– Желтая спальня... – Мэриэнн задумалась, вспомнив расколотый гребень. – Это ведь спальня его матери, верно?

Сообщник ответил нерешительным кивком.

– Так это его дом.

Он неловко помялся, но не стал отрицать.

– Мне надо идти.

– Вы говорили, что он хороший человек.

Мужчина остановился на пороге.

– Да, хороший.

– Но хороший человек не поступил бы с моим отцом так, как он в Хаунслоуской пустоши.

– Поверьте, леди, будь ваш отец хоть на йоту менее добр, он был бы уже мертв. На его месте я не оставил бы Мисборна в живых. – Он пошел прочь, потом обернулся и еще раз посмотрел на Мэриэнн, застывшую на месте от потрясения. – И прошу вас, для вашего же блага держитесь подальше от окон. Если молодую незамужнюю леди увидят в спальне джентльмена, что бы там ни случилось, ей придется несладко.

Он слегка поклонился и вышел из комнаты, заперев за собой дверь.

Что же такого сделал отец, чтобы заслужить такую ненависть? Мэриэнн почувствовала, как ноги становятся ватными. Захотелось присесть. Она взглянула на кровать с четырьмя столбами под темным пологом и покрывалами – кровать разбойника, и дрожь побежала у нее по спине, расплываясь по всему телу. Мэриэнн выбрала кресло с высокой спинкой, стоявшее возле очага, и присела на краешек. Потом обернулась к окну, за которым сиял светлый день. Сообщник прав. Особенно сейчас, когда прошло чуть больше года после того, как герцог Арлесфорд разорвал свою помолвку с ней. Скандал вокруг этого до сих пор не совсем утих. Одно лишь слово о похищении, о том, что она провела ночь в доме холостяка без компаньонки, – и ее репутация будет уничтожена до такой степени, что никакие связи отца не смогут восстановить ее. И не важно, что она всю ночь просидела одна в запертой комнате. Ирония судьбы! Мэриэнн едва не рассмеялась. И все же подошла к окну.

Вид из него мало чем отличался от сотен подобных – продолговатые, аккуратно ухоженные садики позади дома, разделенные высокими каменными стенами, граничили с другими садиками, а еще дальше виднелись другие дома. Над всем этим висело серо-белое осеннее небо. Вокруг не было видно никаких знакомых ориентиров. Засов поддался достаточно легко, но окно оказалось крепким, тяжелым и громко скрипело. Девушке удалось лишь немного приоткрыть его. Щель оказалась слишком узкой и не оставляла ни малейшего шанса для побега. Да и отвесная стена не менее двадцати пяти футов высотой. Мэриэнн постаралась как можно тише закрыть окно и, обернувшись, стала осматривать комнату.

Она была значительно меньше желтой спальни и обставлена почти по-спартански. Рядом с кроватью тумбочка с подсвечником. По другой стене гардероб красного дерева, умывальный столик и комод с небольшим зеркалом, на котором аккуратно сложены бритвенные принадлежности. На полу темный турецкий ковер, картин на стенах не было, как не было подушечек и балясин на кровати. Ни кружев, ни оборок, ничего нежного и красивого – полная противоположность спальне Мэриэнн в доме отца. Темная и суровая комната излучала дух силы и абсолютной мужественности, как и ее хозяин.

Его присутствие ощущалось настолько, что казалось, он и сейчас здесь. У Мэриэнн возникло странное чувство беспокойства и в то же время безопасности. Сердце забило чаще.

Нужно было обыскать спальню и найти хоть что-нибудь, позволяющее определить, кто он такой. Найти и рассказать отцу по возвращении домой. Девушка подошла к высокому полированному гардеробу и повернула ключ. Дверь распахнулась. На нее пахнуло сандалом. Она

сразу узнала этот легкий запах, его запах. Было в нем что-то влекущее и возбуждающее. По телу пробежала дрожь, кожа покрылась мурашками.

Вешалка сгибалась под тяжестью дорогих, хорошо сшитых фраков, сюртуков и панталон. Без сомнения, перед ней гардероб джентльмена, и, судя по качеству кроя и тканей, богатого джентльмена. Мэриэнн это не удивило. Несмотря на маскировку, она с первой минуты поняла, что он не простолюдин.

«Поищи в карманах», – подсказывал голос здравого смысла. Мэриэнн протянула руку, но в сомнении остановилась, затаив дыхание. «Что я делаю!» Она медленно провела пальцами по плечу висевшего перед ней фрака. Дорогая темно-синяя шерсть была мягкой на ощупь. Мэриэнн обратила внимание на широкие плечи фрака. Пальцы скользнули вниз по лацкану, и она почувствовала себя такой отважной, словно гладила тигра, или сам разбойник стоял перед ней в этом фраке. От этой мысли екнуло сердце. Руки скользнули внутрь в поисках потайных карманов, затем ощупали карман в поле фрака, однако все тщетно. Мэриэнн по очереди осмотрела остальные сюртуки. Прикосновение к его одежде, его запах заставили сердце забиться сильнее. Пульс участился. Она вспомнила, какая сильная и крепкая была его рука, когда она от отчаяния вцепилась в нее прошлой ночью, рука, обнимавшая ее за плечи в притоне. Мэриэнн вдруг представила себе, что ее руки лежат у него на плечах, глядя лацканы фрака, касаясь груди...

Она неуверенно усмехнулась, настолько абсурдными казались эти мысли. Мэриэнн не любила мужчин, особенно тех, что представляли опасность. Она закрыла шкаф и принялась спокойно и тщательно осматривать остальную часть комнаты.

Мыло в умывальном тазу все еще хранило аромат сандала. Девушка потрогала помазок для бритья из барсучьей шерсти, рукоятку бритвы. Странно, он оставил в ее распоряжении такое оружие. Однако, вспомнив сцену в притоне, она поняла, что ему нечего опасаться. И снова дрожь волной пробежала по всему ее телу от головы до кончиков пальцев.

Все в комнате было чисто и аккуратно, все на своих местах. Жилеты, рубашки, стопка отглаженных льняных галстуков... и платок из черного шелка. Так странно видеть его аккуратно сложенным в ящике комода. Совсем безобидный, это никак не вязалось с человеком, который надевал его.

В спальне стояли две пары сапог для верховой езды и три пары черных туфель, все большого размера. Дойдя до нижнего белья, Мэриэнн остановилась и так резко захлопнула комод, что тут же испугалась, как бы сообщник не услышал шума.

Она уселась на удобный стул возле камина и задумалась. Что ей удалось узнать о разбойнике из осмотра его спальни и вещей?

Он джентльмен, высокий, широкоплечий и сильный. Закрывает лицо черным шелковым платком. От одного его взгляда ее бросает в дрожь, его запах заставляет сердце биться очень часто. Он внушает ей страх и восхищение. И все. Комната не сказала ничего нового.

Найт вернулся домой только вечером к обеду.

– Вы выиграли? – спросил Каллертон, подавая приготовленное жаркое.

– Твои деньги целы, – отозвался Найт.

– Приятно слышать, что я заработал пару монет, не выходя из дома. – Каллертон ухмыльнулся. – А не собирается ли Рейф Найт, джентльмен и бандит, пойти куда-нибудь отпраздновать победу?

– Сегодня вечером устраивают попойку в игорном доме.

Каллертон скорчил гримасу.

– Если я не пойду, возникнут вопросы. А вопросы нам не нужны.

– Особенно сегодня ночью, – кивнул Каллертон.

– Леди Мэриэнн в желтой спальне?

– Я отвел ее туда в четыре. Как раз вовремя, там безопасно. Похоже, днем она произвела у вас небольшой обыск, да только понапрасну. Я все проверил, прежде чем отвести ее туда.

Найт кивком поблагодарил слугу. Не плакала, не злилась. Просто спокойно обыскала комнату. Даже он позавидовал такой выдержке.

– Давно вы не приводили женщин в эту спальню.

Внезапно перед его глазами возник образ Мэриэнн, лежащей обнаженной в его постели. Белокурые волосы разметались по подушке, голая грудь возвышается над мятыми простынями, дразня и мучая его. Стиснув зубы, Рейф отогнал видение. Нельзя позволять себе думать о ней... так.

– Да, похоже, слишком давно.

Без сомнения, давно, раз дочь Мисборна вызывает такие неподходящие мысли. Рейф заставил себя сосредоточиться на завтрашнем утре и обдумать весь предстоящий день. Стоит только Мисборну отдать документ – и Рейф больше никогда не увидит Мэриэнн. Ну и хорошо. Главное – не позволять себе думать о ней.

– Пройдемся по плану еще раз. Другого шанса не будет. Место встречи сообщим Мисборну с мальчиком так, чтобы у него не осталось времени придумать очередную каверзу.

Каллертон кивнул.

– Не может же Мисборн быть таким убудком, чтобы рискнуть дочерью вторично.

– Надеюсь, ты прав, – откликнулся Найт, разворачивая грубо нарисованную карту. – Дай бог, чтобы так и было. – Ему даже думать не хотелось о том, что он будет делать, если они ошибаются.

Мужчины склонились над картой и завели серьезный разговор.

Ранним утром до рассвета сообщник вывел Мэриэнн через черный ход на улицу. Они шли пешком, петляя по узким улочкам и закоулкам так, чтобы она не могла определить, где они находятся и в каком направлении движутся. В узком проходе, который тянулся вдоль какого-то здания, напоминавшего больницу, стоял черный экипаж. Сообщник торопливо подвел ее к экипажу, и девушка подумала, что они будут садиться. Однако кучер спрыгнул вниз, и она узнала разбойника, одетого в потрепанный плащ и треуголку. Его слуга занял его место на козлах.

– Да хранит вас Господь, – напутствовал он хозяина.

– И тебя тоже, – ответил разбойник, взглянув на небо. – Светает. К тому времени, когда все увидят, как меня, мертвецки пьяного, везут домой, будет уже светло.

Сообщник кивнул и, взмахнув поводьями, умчался прочь. Мэриэнн осталась наедине с разбойником.

– Вы готовы, леди Мэриэнн?

Девушка кивнула. Он взял ее за руку и вывел на улицу. В воздухе пахло краской. Небольшие домики выглядели слегка обшарпанными, однако не похожими на притоны. Но даже будь это притоны, рядом с ней шел он, и Мэриэнн чувствовала себя спокойно. Мысль показалась забавной.

Они шли молча. Несмотря на ранний час, вокруг царил суеда. Лондон просыпался. Рядом прогремела повозка. Парочка подозрительных типов прошла мимо. Мэриэнн отвернулась. Хорошо, что разбойник хозяйской хваткой держал ее за руку.

Лишь миновав большую церковь, Мэриэнн догадалась, что они идут на кладбище.

Разбойник провел ее через ворота и свернул на дорожку, пролежавшую среди надгробий. Резкий завывающий ветер колот щеки и вцеплялся в волосы, бросая пряди в глаза. Над головой серело унылое небо, наполненное влагой и грозившее дождем. Они так быстро продвигались вперед, что Мэриэнн немного запыхалась. Так они шли, пока не добрались до высоких над-

гробий и памятников знати. Неожиданно он завернул за небольшой мавзолеей, построенный в стиле классического храма. Кладка мавзолея почернела от времени и гари лондонских печей.

– Пришли, – пробормотал разбойник и, сунув руку под плащ, достал карманные часы. Щелкнув крышкой, сверил время. – Через десять минут, – уточнил он, и часы снова исчезли под плащом.

Десять минут – и она на свободе. Десять минут – и все позади. Она вернется в отцовский дом и больше никогда его не увидит. И никогда не узнает, кто скрывался под маской. Мэриэнн облокотилась спиной о стену мавзолея и посмотрела на него.

– Хуже всего, что вам пришлось во всем этом участвовать, леди Мэриэнн. Мне жаль. Но это был единственный способ достать вашего отца.

Мэриэнн не ожидала от него такой искренности.

– Документ, который вы хотите получить, действительно так важен?

– Важнее, чем вы можете себе представить.

– Что в нем? – спросила девушка, не слишком рассчитывая на ответ.

Он надолго замолчал, и она уже решила, что ответа не последует. Однако он заговорил:

– В этом документе ответ на вопрос, который я задаю себе последние пятнадцать лет.

– Пятнадцать лет? Но это так давно.

Тем не менее его глаза и сильное тело не могли принадлежать старику.

– Июнь 1795-го.

– Что случилось в тот день? – Мэриэнн заметила, как в глазах разбойника мелькнула боль, но моментально исчезла, сменившись мрачным и жестоким выражением. Ей стало страшно.

– Попросите своего отца ответить на этот вопрос, леди. Услышите, что он скажет. – Никогда еще его тихий голос не был таким глухим и хриплым от ярости.

– Но в чем вы его обвиняете? – Мэриэнн не знала, кем и как оклеветан ее отец в глазах разбойника, какая ложь заставила его думать о нем так плохо. Она лишь знала, что в эти последние минуты, пока они вместе, она должна попытаться узнать правду. – Он самый лучший из отцов. Знаю, вы мне не поверите, но он добрый человек. – Мэриэнн отчаянно искала слова, чтобы убедить его. – Он попечитель Фаундлингского госпиталя. И хотя отец всячески это скрывает, но именно он пожертвовал большую сумму на строительство тамошней часовни. Он часто подает бедным, особенно вдовам и сиротам. Не кичится своим милосердием, он...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.